

***Илашку и другие против Молдовы и России*¹**
(жалоба № 48787/99)

Постановление
от 8 июля 2004

В. Мнение Суда.

1. Основные принципы

(а) Понятие юрисдикции.

310. Статья 1 Конвенции предусматривает:

“Высокие договаривающиеся стороны должны защищать права и свободы, указанные в части I Конвенции, всех лиц, попадающих под их юрисдикцию”.

311. Из Статьи 1 следует, что государства участники Конвенции должны отвечать за любые нарушения прав и свобод, находящихся под защитой Конвенции, совершенные против физических лиц, находящихся под их” юрисдикцией”.

Осуществление юрисдикции является необходимым условием для государства, подписавшего Конвенцию, для того, чтобы оно могло нести ответственность за действия или бездействие, вменяемые ему, и, которое дает повод делать заявления о нарушении прав и свобод, изложенных в Конвенции.

312. Суд ссылается на свою судебную практику для того, чтобы понятие “юрисдикции” в свете Статьи 1 было должным образом обсуждено с тем, чтобы отразить значение термина в международном публичном праве (см. дела *Гентильфом, Шафф-Бенхадджди и Зероуки против Франции*, судебное решение от 14 мая 2002 г., § 20; *Банкович и другие против Бельгии* и 16 государств, участников Конвенции (судебное решение) № 52207/99, §§59-61; ЕКПЧ 2001 –ХП; и дело *Ассанидзе против Грузии*, ЕКПР 2004...§ 137).

С точки зрения международного публичного права, слова “в рамках их юрисдикции” в Статье 1 Конвенции должны пониматься, как прежде всего территориальное правомочие государства (см. решение Суда по делу *Банковича*, приведенное выше, § 59), но и также предполагается, что юрисдикция обычно осуществляется на всей территории государства.

Эта презумпция может быть ограничена в исключительных обстоятельствах, особенно в тех случаях, когда государству не дают

¹ Перевод выполнила к.и.н., доцент кафедры иностранных языков РАП Украинец И.А.

возможность применять свою власть на части своей территории. Это может быть в результате военной оккупации вооруженными силами другого государства, которые реально контролируют занятую территорию (см. дело *Лоизиду против Турции* (Предварительные возражения) судебное решение от 23 марта 1995 г., Серия А № 310, и дело *Кипр против Турции*, № 2578/94, ЕКПР 2001- IV, §§.70-80, как указано в выше упомянутом решении по делу *Банковича*, §§.70-71), военные действия или мятеж, или действия иностранного государства, поддерживающего создание сепаратистского государства на территории, о которой идет речь.

Для того, чтобы можно было сделать вывод, что такие исключительные обстоятельства существуют, Суд должен рассмотреть, с одной стороны, все объективные факты, свидетельствующие об ограничении возможности применения государством власти на своей территории, и, с другой стороны, само поведение государства. Обязательства, взятые Договаривающейся стороной, подписавшей Конвенцию, в соответствии со ст.1 Конвенции включают, в дополнение к обязанности воздерживаться от вмешательства в пользование гарантированными правами и свободами, обязательства предпринимать шаги для обеспечения уважения этих прав и свобод на своей территории (см. среди других судебных решений дело *З. против Соединенного Королевства*, № 29392\95, § 73, ЕКПЧ 2001-Y).

Эти обязательства сохраняются в силе даже, если применение государством своей власти ограничено на части его территории, т.е. государство обязано предпринимать все соответствующие доступные ему меры.

314. Кроме того, Суд заявляет, что хотя в деле *Банковича* Суд подчеркнул превосходство территориального принципа в применении Конвенции (решение, процитированное выше, пар§.80), он также признает, что понятие “юрисдикции” в рамках значения статьи 1 Конвенции необязательно ограничивается национальной территорией Высоких договаривающихся сторон (см. *Лоизиду против Турции*, судебное решение от 18 декабря 1996 г., Решений и доклады 1996-YI, с.2234- 2235, §. 52.)

Суд согласен, что в исключительных обстоятельствах действия государств, являющихся Договаривающимися сторонами, осуществлялись вне их территории, и которые приводили к результатам, которые могут расцениваться как осуществление ими их юрисдикции по смыслу ст. 1 Конвенции.

Согласно относящимся к делу принципам международного права, государство может быть привлечено к ответственности в случае военных действий – законных или незаконных, и если оно на

практике осуществляет контроль над территорией, расположенной вне его национальной территории. Обязанность защищать на этой территории права и свободы, изложенные в Конвенции, проистекают из факта подобного контроля, осуществляется ли это прямо через вооруженные силы или через подчиненную местную администрацию (там же).

315. Нет необходимости определять действительно ли осуществляет Договаривающаяся сторона детальный контроль над политикой и деятельностью местной администрации на территории, расположенной вне ее национальной территории, так как даже полный контроль над территорией может предусматривать ответственность Договаривающейся стороны, которой это касается (там же, с.2235 – 2236, § 56).

316. Там, где договаривающееся государство осуществляет полный контроль над территорией вне своей государственной территории, его ответственность не ограничивается за действия его солдат или официальных лиц на этой территории, но также распространяется на действия местной администрации, которая продолжает существовать там посредством военной или иной поддержки (см. дело *Кипр против Турции*, цит. выше, §77)

317. Ответственность государства может также включать ответственность за действия, которые имеют значительное непосредственное последствия для прав, гарантируемых Конвенцией, даже если эти последствия возникают вне его юрисдикции.

Таким образом, со ссылкой на экстрадицию государства, не являющегося Договаривающейся стороной, Суд постановил, что Договаривающаяся сторона будет действовать несовместимо с основными ценностями Конвенции, “то есть общее наследие политических традиций, идеалов, свободы и верховства права”, на которые ссылается Преамбула, если она намеренно передаст лицо, скрывающееся от правосудия, другому государству, где есть реальные основания утверждать, что это лицо столкнется с реальной угрозой быть подвергнутым пытке или негуманному и унижающему его достоинству обращению или наказанию. (см. дело *Соеринг против Соединенного Королевства*, судебное решение от 17 июля 1989 г., Серия А № 161, с. 35, §§ 88- 91.)

318. Кроме того, молчаливое согласие или попустительство властей Договаривающейся стороны действиям частных лиц, которые нарушают права других лиц, указанные в Конвенции, в рамках своей юрисдикции, могут повлечь ответственность государства согласно Конвенции (см. дело *Кипр против Турции*, цит. выше, § 81). Это

особенно верно в вопросе действий самопровозглашенных властей, которые не признаны международным сообществом.

319. Государство может быть также ответственным даже, если его представители действуют *ultra vires* или вопреки инструкциям. Согласно Конвенции власти государства строго ответственны за поведение своих подчиненных; они также обязаны навязывать свою волю и не должны прикрываться своей недееспособностью обеспечить то, что положено. (см. дело *Ирландия против Соединенного Королевства*, судебное решение от 18 января 1978, Серия А № 25, с. 64, § 159; см. также статью 7 Проекта статей Комиссии международного права по вопросу ответственности государств международные за противоправные действия).

(Б) Ответственность государства за противоправное действие.

320. Другим признанным принципом международного права является норма, согласно которой ответственность государства за нарушение международных обязательств, как доказано работой Комиссии международного права над Проектом статей по вопросу ответственности государств за международные противоправные действия (2001) (“работа Комиссии международного права”).

321. Противоправное действие может характеризоваться как продолжающееся, если оно продолжается весь период, во время которого продолжается относящееся к делу действие и остается в противоречии с международными обязательствами (см. комментарии к проекту Статьи 14 § 2, с. 139 деятельности Комиссии международного права). Кроме того, Суд считает, что дело о серии противоправных действий или бездействий, нарушение в течение целого периода, начиная с первых действий, и продолжающееся в течение пока действия и бездействия повторяются и остаются в противоречии с соответствующим международным обязательством (см. также проект статьи 15 § 2 работы Комиссии международного права).

2. Применение вышеупомянутых принципов.

322. Суд должен следовательно определить, затрагивается ли ответственность Молдовы по такой причине как ее обязанность воздерживаться от противоправных действий, или по причине ее позитивных обязательств в соответствии с Конвенцией.

323. Суд отмечает, в первую очередь, что Молдова утверждает, что не было контроля над частью ее территории, а именно над районом Приднестровья.

324. Суд замечает, что в своем решении по приемлемости жалоб он постановил, что заявление, сделанное Молдовой в правовом акте о

ратификации Конвенции, касающегося отсутствия у законных властей Молдовы контроля над территорией Приднестровья не было правомерным оговоркой в свете статьи 57 Конвенции.

Таким образом, возникает вопрос, имеет ли значение вышеустановленные факты для правовой позиции Молдовы в свете ее ответственности согласно Конвенции.

325. В данном деле Суд отмечает, что после провозглашения Молдовским Парламентом 23 июня 1990 суверенитета, и становления Молдовы в качестве независимого государства 27 августа 1991 г., которое было впоследствии признано международным сообществом, Республика Молдова немедленно была вовлечена в конфронтацию с сепаратистским движением в районе Приднестровья. Это движение значительно усилилось в декабре 1991, с организацией местных выборов, которые были объявлены незаконными властями Молдовы (см. § 47 выше). В конце 1991 г. началась гражданская война между силами Республики Молдова и Приднестровскими сепаратистами, которых активно поддерживали, по крайней мере, часть солдат 14-ой Армии. В марте 1992, ввиду серьезности ситуации было объявлено чрезвычайное положение (с. § 69 выше).

Во время военного конфликта власти Молдовы обратились с несколькими серьезными призывами к международному сообществу, включая Совет Безопасности ООН, для поддержки ее борьбы за независимость. Обвиняя Российскую Федерацию в поддержке сепаратистов Приднестровья, они постоянно просили Россию прекратить “агрессию” против них (с. §§78-79 и 82-83 выше).

326. 21 июля 1992 г. было подписано соглашение о прекращении огня на основе *status quo*, которое предусматривало установление зоны безопасности для обеспечения соглашения (см. §§ С 87 до 89 выше).

29 июля 1994 г. была принята новая Конституция Республики Молдова. Статья 111 обеспечивала возможность гарантирования формы автономии территориям, которые включали места на левом берегу Днестра. Статья 11 запрещала пребывание иностранных войск на ее территории (см. § 294 выше).

327. Впоследствии, после ратификации Конвенции 12 сентября 1997 г., Молдова сдала на хранение вместе с документом о ратификации декларацию, в которой делалось заявление о том, что она не может гарантировать соблюдение положений Конвенции на той части ее территории, которая находится под контролем органов “самопровозглашенной Приднестровской республики” до тех пор, пока конфликт не будет окончательно разрешен (см. § 298 выше).

328.Соглашение о прекращении огня от 21 июля 1992 г. положило конец первому этапу усилий Молдовы по осуществлению своей власти на всей своей территории.

329. Суд отмечает, после этого периода Молдова склонялась к молчаливой позиции, допускающей осуществление над территорией Приднестровья контроля, ограниченного такими вопросами как выпуск удостоверений личности и таможенное оформление (см. §§ 179 и 180 выше).

Суд, таким образом, усматривает в декларации, приложенной к документу о ратификации Молдовой Конвенции намек на эту ситуацию *de facto*.

330. Суд считает на основе имеющихся у него в распоряжении документов, что правительство Молдовы, единственное легитимное правительство Республики Молдовы в соответствии с международным правом, не осуществляет свою власть над частью своей территории, а именно той частью, которая находится под реальным контролем “Приднестровской республики”.

Кроме того, этот пункт не оспаривается ни одной из сторон или правительством Румынии.

331.Тем не менее, даже при отсутствии действительного контроля над районом Приднестровья, Молдова тем не менее имеет определенные обязательства в соответствии со статьей 1 Конвенции осуществлять дипломатические, экономические, судебные или другие меры, на которые она имеет право, и может в соответствии с международным правом гарантировать заявителям права, предусмотренные Конвенцией.

3. Понятие позитивных обязательств.

332. При определении пределов позитивных обязательств государства внимание должно быть обращено на справедливый баланс, который должен быть установлен между общими интересами и интересами физических лиц, многообразием ситуаций, которые существуют в странах, участниках Конвенции, и выбором , который должен быть сделан с точки зрения приоритетов и возможностей. Эти обязательства не должны быть интерпретированы таким образом, чтобы они не могли стать невозможным или диспропорциональным бременем (см. дело *Езгур Гюнден против Турции*, судебное решение от 16 марта 2000, № 23144/93, § 43,ЕКПР – III).

333.Суд считает, что там, где государству, являющемуся Договаривающейся стороной, препятствуют осуществлению своих полномочий на всей своей территории, создавая положение *de facto*,

которое существует, когда создается сепартистский режим, сопровождающийся ли или не сопровождающийся военной оккупацией другим государством, это не отменяет юрисдикцию в свете Статьи 1 Конвенции над той частью территории, которая временно подвластна местной администрации, поддерживаемой повстанческими войсками или другим государством.

Однако подобная фактическая ситуация сокращает сферу юрисдикции по обязательству данному договаривающимся государством в соответствии со Статьей 1 и должна быть рассмотрена Судом только в свете позитивных обязательств, данных государством, являющимся Договаривающейся стороной, в отношении лиц, находящихся на его территории. В этом вопросе государство должно применять все доступные юридические и дипломатические меры по отношению иностранных государств и международных организаций, чтобы продолжать давать гарантию прав и свобод в соответствии с Конвенцией.

334. Хотя в обязанности Суда не входит определение действий, которые должны осуществляться для выполнения обязательств наиболее эффективно, Суд должен подтвердить, что эти действия были соответствующими и достаточными в данном деле. В случаях, когда частично или полностью невозможно что-либо предпринять, задача Суда сводится к определению того, как далеко распространяется минимум действий, которые, тем не менее, необходимы и должны ли они осуществляться. Определение этого вопроса особенно необходимо в делах, касающихся ущемления абсолютных прав, таких, которые гарантированы статьями 2 и 3 Конвенции.

335. Следовательно, Суд пришел к выводу, что заявители находятся под юрисдикцией Республики Молдова в соответствии со статьей 1 Конвенции, но ответственность Молдовы за действия, на которые подана жалоба, совершенные на территории Молдовской Приднестровской Республики (“MRT”), на которой Молдова не осуществляет контроль, должна оцениваться в свете ее позитивных обязательств по Конвенции.

4. Об исполнении Молдовой своих позитивных обязательств.

336. Суд должен определить исполняли ли власти Молдовы свои позитивные обязательства по защите прав, гарантированных Конвенцией или, как утверждают заявители и правительство Румынии, не предпринимала достаточных мер для защиты этих прав.

337. В данном деле, ввиду сложности фактической ситуации, Суд, в первую очередь считает, что вопрос, исполняла ли Молдова свои позитивные обязательства, тесно связан с отношениями как между Молдовой и Российской Федерацией, так и с отношениями между Приднестровьем и Российской Федерацией. Кроме того, необходимо учитывать влияние, которое Молдова могла оказывать на российские власти для улучшения ситуации заявителей на территории Молдовы в Приднестровье.

338. Суд отмечает, в его юрисдикцию не входит обсуждение вопроса, были ли события, предшествующие ратификации Молдовой Конвенции, совместимы с положениями Конвенции. Суд может, тем не менее, относиться с уважением к действиям, осуществленным до ратификации, обсуждая позитивные обязательства Молдовы и, используя их при оценке усилий, предпринятых Молдовой после 12 сентября 1997 г.

339. Позитивные обязательства Молдовы относятся как к мерам, необходимым для восстановления ее контроля над территорией Приднестровья, в качестве осуществления ее юрисдикции, так и к мерам по обеспечению защиты прав заявителей, включая попытки обеспечить их освобождение.

340. Обязанность восстановить контроль над Приднестровьем требовала от Молдовы, во-первых, воздерживаться от поддержки сепаратистского режима “Приднестровской республики”, и во-вторых, действовать, применяя все политические, судебные и другие меры, имеющиеся в ее распоряжении, для восстановления своего контроля над территорией.

В полномочия Суда не входит определение самых подходящих мер, которые Молдове следует предпринимать и будут ли эти меры достаточными. Суд должен только засвидетельствовать волю Молдовы, выраженную в специальных документах и действиях, направленных на восстановление ее контроля над территорией “Приднестровской республики”.

341. В данном деле, с начала военных действий в 1991 – 1992, власти Молдовы никогда не прекращали предъявлять претензии по поводу агрессии, которой они считали, что подвергались, и отвергали Декларацию о независимости “Приднестровской республики”.

По мнению Суда, Молдова мало что могла сделать для восстановления своей власти на территории Приднестровья, когда была в конфронтации с режимом, который поддерживался в военном, экономическом и политическом плане таким государством как Российская Федерация (см. §§ с 111 по 161 выше). Это было очевидно при результате военного конфликта, который показал, что

власти Молдовы не имели средств одержать верх на территории Трансильвании повстанческих сил, которых поддерживал личный состав 14-ой Армии.

342. Власти Молдавии продолжали после окончания боевых действий в июле 1992 г. предпринимать шаги для установления своего контроля над Приднестровьем. С 1992 г. и далее, например, они начали возбуждать уголовные дела против определенных должностных лиц Приднестровья, обвиненных в узурпировании официальных постов, относящихся к государственным должностям Молдовы. (см. §§ с167 и 229 до 230 выше).

343. Усилия Молдовы восстановить свою власть над регионом Приднестровья продолжались после 1994 г., ее власти продолжали отстаивать свой суверенитет на территории, контролируемой “Приднестровской республикой”, как внутри страны, так и на международной арене (см. §§ 31,53,66,68,69 и с 77 по 83 выше). В 1994 она приняла новую Конституцию, которая обеспечивала *inter alia* возможность гарантирования автономии Приднестровью. В том же году она подписала с Российской Федерацией соглашение о выводе российских войск из Приднестровья в течение 3 лет.

12 сентября 1997 г. она ратифицировала Конвенцию и подтвердила в своей оговорке к Конвенции свое намерение восстановить контроль над регионом Приднестровья.

344. Эти усилия продолжались после 1997 г., несмотря на уменьшение судебных мер, направленных на отстаивание власти Молдовы в Приднестровье. Уголовные преследования приднестровских чиновников не продолжались и были даже прекращены в 2000, а бывшему чиновнику приднестровского режима было разрешено после его возвращения в Молдову занять высший государственный пост (см. §168 выше).

С другой стороны усилия властей Молдовы были направлены на дипломатическую деятельность. В марте 1998 г. Молдова, Российская Федерация, Украина и регион Приднестровья подписали ряд документов с целью разрешения приднестровского конфликта. Имели место контакты переговоры между представителями Молдовы и Приднестровского режима.

Наконец, с 2002 г. по настоящий момент ряд предложений по решению конфликта были выдвинуты и обсуждено Президентом Молдовы с ОБСЕ и Российской Федерацией (см. §§ 107-110 выше).

Суд не видит в сокращении мер отказа от попыток Молдовы осуществлять свою юрисдикцию в регионе, уважая тот факт, что некоторые меры, предварительно предпринятые Молдовой, были блокированы со стороны “Приднестровской республики” (см. §§ с 181 по 184 выше).

Суд далее отмечает, правительство Молдовы утверждало, что изменение его стратегии переговоров по отношению к дипломатическим подходам, имеющим цель подготовки возвращения Приднестровья под законодательство Молдовы, было откликом на требования, выдвинутые сепаратистами во время дискуссии по решению ситуации в Приднестровье и освобождения заявителей. Власти Молдовы соответственно отказались от мер, которые предприняли ранее, особенно в области права.

Суд отмечает свидетельские показания о результатах, данные г-ном Стурза (см. приложение, §§309-313) и г-ном Сидоровым (см. приложение, § 446).

345. Параллельно с изменением стратегии были установлены отношения между властями Молдовы и сепаратистами Приднестровья. Были заключены экономические соглашения, были установлены отношения между парламентом Молдовы и “парламентом Приднестровской республики”, в течение нескольких лет осуществлялось сотрудничество полиции и служб безопасности и существуют различные виды сотрудничества в других областях, таких как контроль над воздушным пространством, телефонная связь и спорт (см. §§ 114, 178, и 185 выше).

Молдавское правительство поясняло, что эти меры по сотрудничеству, были предприняты для улучшения повседневной жизни народа Приднестровья. Суд также как и правительство Молдовы придерживается точки зрения, что эти действия по своей сущности и характеру не могут рассматриваться как поддержка Приднестровского режима. Напротив, они являются подтверждением желания Молдовы восстановить контроль над территорией Приднестровья.

346. Что касается ситуации заявителей, Суд отмечает, что до ратификации Конвенции в 1997 г власти Молдовы предприняли ряд судебных, политических и административных мер. Они включают:

- Решение Верховного Суда от 3 февраля 1994 г., отменяющее обвинение заявителей от 9 декабря 1993 г. и аннулирующее ордер на задержание (см. §§ 222 и 223 выше).
- Уголовное дело, возбужденное 28 декабря 1993 против “судей” “Верховного Суда Приднестровья” (см. § 223 выше)
- Амнистия, объявленная Президентом Молдовы 4 августа 1995 (см. §226 выше) и запрос парламента Молдовы 3 октября 1995 (см. § 227 выше).
- Направление врачей, для обследования заявителей, содержащихся в стражах в Приднестровье (см. §§ 239 и 263 выше) и
- Финансовая поддержка семьям заявителей и оказание

помощи в поездке к заявителям (см. § 239 выше).

В этот период, когда появились соответствующие сведения, власти Молдовы в переговорах с лидерами Приднестровья также систематически поднимали вопрос об освобождении заявителей и соблюдении их прав в соответствии с Конвенцией (см. §§ 172 и с 274 по 277 выше). Особенно Суд отмечает усилия предпринятые судебными властями: например, заместитель министра юстиции В. Стурза совершил многочисленные визиты в Приднестровье для переговоров с властями Приднестровья об освобождении заявителей.

347. Даже после 1997 г. Молдова предпринимала меры для защиты прав заявителей: посылались врачи для их обследования (последний врачебный осмотр врачами из Кишинева проводился в

1999 г.) Их семьи продолжали получать финансовую помощь от властей и мистер Стурза, бывший министр юстиции и председатель комиссии по переговорам с Приднестровьем, продолжал поднимать вопрос об освобождении заявителей. В этой связи Суд отмечает, что в соответствии с показаниями конкретных свидетелей, освобождение г-на Илашку было результатом длительных переговоров с властями “Приднестровской республики”. Более того, после переговоров г-н Стурза ездил в Приднестровье в апреле 2001 в надежде передать четырех заявителей Кишеневу (см. § 274 выше и приложение, г-н Стурза, см. §§ 310 – 312 выше.).

Действительно власти Молдовы не осуществляли некоторые шаги, которые предпринимались ранее.

Однако Суд считает, что при отсутствии контроля над территорией Приднестровья со стороны властей Молдовы, любое судебное расследование в отношении лиц, живущих в Приднестровье или связанных с преступлениями совершенными в Приднестровье были бы неэффективными. Это подтверждается свидетельскими показаниями по данному вопросу (см. приложение, г-н Постован, § 184, г-н Катану, § 208 и г-н Русу, § 302).

Наконец власти Молдовы обратились не только к режиму “Приднестровской республики”, а также и к другим государствам и международным организациям за помощью в освобождении заявителей (см. приложение, г-н Мошану, § 249).

348. Суд не имеет никаких доказательств, что после освобождения Илашку в мае 2001 властями были предприняты эффективные меры для того, чтобы положить конец продолжающимся нарушениям прав по Конвенции в отношении трех остальных заявителей. По крайней мере, не считая свидетельских показаний Стурза о том, что вопрос о

ситуации с заявителями регулярно поднимался властями Молдовы в торговых отношениях с режимом “Приднестровской республики”, Суд не имеет иной информации, способной подтвердить вывод, что Правительство Молдовы усердно занималось делом заявителей.

В своих переговорах с сепаратистами власти Молдовы ограничились устным поднятием вопроса о ситуации с заявителями, не пытаясь достичь соглашения, гарантировавшего уважение их прав по Конвенции (см. приложение, м-р. Стурза, §§310 —313).

Таким образом, хотя заявители были лишены свободы примерно 12 лет, никакой всеобъемлющий план по решению приднестровского конфликта не был представлен вниманию Суда, и правительство Молдовы не делает заявлений, что такой документ существует или переговоры по этому вопросу имеют прогресс.

349.Также власти Молдовы больше не занимаются судьбой заявителей в двухсторонних отношениях с Российской Федерацией.

По мнению Суда, факт, что на слушании 6 июля 2002 г. Правительство Молдовы воздержалось от утверждения, что Российская Федерация несет ответственность за предполагаемые нарушения вследствие присутствия ее армии в Приднестровье, чтобы не мешать процессу, направленному на то, “чтобы положить конец содержанию под стражей заявителей” (см. § 360 выше), является равносильным признанию с их стороны влияние, которое Российские власти могли бы оказать на режим Приднестровья, если бы они побудили освободить заявителей. В отличие от позиции периода 1992 – 1994 гг., когда власти Молдовы поднимали вопрос об освобождении заявителей перед властями России, после 1994 г. посредничество по этому вопросу кажется прекращенным.

В любом случае, Суд не имеет информации о каких-либо обращениях властей Молдовы к властям России после мая 2001 об освобождении оставшихся заявителей.

350.Короче говоря, Суд отмечает, что переговоры о решении ситуации в Приднестровье, в которых Российская Федерация участвует как государство поручитель, с 2001 г. проходят без упоминания о заявителях и без любых мер, предпринятых или обсуждаемых властями Молдовы для защиты прав заявителей.

351.Рассмотрев все материалы имеющиеся в его распоряжении, Суд считает, что даже после освобождения г-на Илашку в мае 2001, Правительство Молдовы могло предпринять меры для защиты прав заявителей в соответствии с Конвенцией.

352.Таким образом Суд делает вывод, что Молдова несет ответственность за неспособность исполнить в соответствии с Конвенцией свои позитивные обязательства в отношении действий после мая 2001 г., на которые подана жалоба.

Для того, чтобы определить действительно ли Молдова несет ответственность в соответствии с Конвенцией, Суд должен рассмотреть каждую жалобу, выдвинутую заявителями.

IV. ОБВИНЕНИЕ В НАРУШЕНИИ СТАТЬИ 2 КОНВЕНЦИИ¹

409. Г-н Илашку обращается с жалобой на то, что он был приговорен к смерти незаконным судом и утверждает, что он подвергся риску в любой момент быть казненным. Первый параграф статьи 2 Конвенции гласит:

«Право граждан на жизнь охраняется законом. Никто не может быть намеренно лишен жизни кроме как во исполнение приговора суда вследствие установления вины в преступлении, за которое это наказание определено законом».

А. Аргументы, предъявленные Суду

410. Заявитель утверждает, что указ о помиловании, подписанный «Президентом ПМР (Придестровская молдавская республика)» 5 мая 2001 является подделкой, созданной с единственной целью обмануть Суд и что на самом деле распоряжение о его казни, отданное властями «ПМР», остается в силе.

В этой связи он утверждает, что 22 июня 2001 года, после его освобождения, молдавские власти заявили, что в их распоряжении нет никаких документов, регистрирующих тот факт, что он помилован. Лишь 16 ноября 2001 года, в ответ на дополнительные вопросы, поднятые Судом, Правительство предоставило Суду копию помилования. Заявитель утверждает, что 5 мая 2001 года он был «передан» властям Республики Молдова на основании документа о передаче, отданного главе молдавской разведки г-ном Шевцовым, «министром безопасности ПМР», документа, который он (заявитель) видел собственными глазами.

Г-н Шевцов якобы добавил, что приговор остается в силе и будет приведен в исполнение, если г-н Илашку вернется в Приднестровье.

411. Российское правительство не сделало никаких заявлений по факту жалобы.

412. Правительство Молдовы не отрицает, что произошло нарушение Статьи, на которую ссылается заявитель.

¹ Перевод выполнил ст.пр. кафедры иностранных языков Апанасенко Ф.Е.

413. Румынское правительство считает, что поскольку решение Верховного Суда Молдовы, отменяющее приговор, не вступило в силу, то остается риск, что г-н Илашку будет казнен, если окажется в Приднестровье.

Б. Оценка Суда

414. Суд отмечает, что 1 октября 1997 года Молдова ратифицировала Протокол № 6 Конвенции, отменяющий смертную казнь в мирное время, и что 3 мая 2002 года она подписала Протокол № 13 Конвенции, касающийся отмены смертной казни при любых обстоятельствах. Российская Федерация не ратифицировала ни Протокол № 6 ни Протокол № 13, но объявила мораторий на смертную казнь.

415. Смертный приговор, вынесенный г-ну Илашку 9 декабря 1993 года «Верховным Судом ПМР» был отклонен Верховным Судом Республики Молдова 3 февраля 1994 года, но до сих пор это решение не вступило в силу (см. 222 выше).

Только в ноябре 2001 года правительство Молдовы представило Суду копию декрета «Президента ПМР» от 5 мая 2001 года с помилованием заявителя (см. 281 выше). Тогда же молдавское правительство информировало Суд о том, что по слухам, г-н Смирнов заменил смертную казнь г-ну Илашку пожизненным заключением. Суд отмечает, что аутентичность помилования, предоставленного г-ном Смирновым, ставится под сомнение заявителем, который утверждает, что он просто был передан молдавским властям, что его приговор остается в силе и, следовательно, он подвергнется риску быть казненным, если вернется в Приднестровье.

416. Рассмотрев предоставленные Суду свидетельства, Суд не имеет оснований ни установить точные обстоятельства освобождения г-на Илашку, ни определить, был ли вынесенный ему смертный приговор заменен на пожизненное заключение (см. 282 выше).

Поскольку г-н Илашку был освобожден и в настоящее время проживает со своей семьей в Румынии, гражданином которой он является и в которой он занимает высокий государственный пост в качестве члена Сената (см. 20 выше), суд считает, что риск приведения в исполнение смертного приговора от 9 декабря 1993 года более гипотетичен чем реален.

417. С другой стороны, Суд не оспаривает того, что после ратификации Конвенции двумя странами – ответчиками г-н Илашку перенес вред как вследствие вынесенного ему смертного приговора, так и вследствие содержания под стражей в ожидании приведения этого приговора в исполнение.

418. Исходя из этого, Суд считает, что факты, по которым составлена жалоба г-на Илашку должны рассматриваться не отдельно, в рамках Статьи 2 Конвенции, а вместо этого должны быть рассмотрены в соответствии со Статьей 3.

V. ОБВИНЕНИЕ В НАРУШЕНИИ СТАТЬИ 3 КОНВЕНЦИИ

419. Заявители жалуются на условия содержания под стражей и обращение с ними во время содержания под стражей. Кроме того, г-н Илашку жалуется на условия содержания под стражей при угрозе приведения в исполнение смертного приговора. Они ссылаются на Статью 3 Конвенции, которая гласит:

«Никто не должен подвергаться пыткам, а также бесчеловечному или унижающему обращению или наказанию»

A. Аргументы, предъявленные Суду

420. Заявители утверждают, что исключительно жестокое обращение, которому они подверглись в заключении, всячески унижало их и имело значительные последствия для их физического и морального состояния. В отношении г-на Илашку следует также принять в расчет чувство неопределенности, в котором он находился из-за возможности приведения в исполнение вынесенного ему смертного приговора.

421. Российское правительство заявило, что обвинения заявителя не имеют отношения к Российской Федерации и вообще являются безосновательными.

422. Правительство Молдовы в своем заявлении от 24 октября 2000 года допускает, что обвинения заявителей относительно условий их содержания выглядят правдоподобно.

423. Будучи третьей стороной по рассматриваемому делу, Румынское правительство классифицирует обращение, которому

подверглись заявители, как «пытки» по смыслу статьи 3, ввиду их преднамеренности, исключительно жестокого характера и того, что оно (обращение) причинило заявителям суровые и жестокие страдания.

Б. Оценка Суда

1. Общие принципы

424. Суд еще раз подчеркивает, что Статья 3 Конвенции закрепляет одну из наиболее фундаментальных ценностей демократического сообщества. Даже при самых трудных обстоятельствах, как, например, борьба с терроризмом и организованной преступностью, Конвенция категорически запрещает пытки и бесчеловечное или унижающее обращение или наказание. В отличие от большинства положений Конвенции и Протоколов №№ 1 и 4, статья 3 не содержит никаких условий для исключений и, в соответствии со Статьей 15 § 2 Конвенции, никакие отступления от нее недопустимы даже в случае чрезвычайных ситуаций, угрожающих жизни народа (см. среди прочих авторитетных источников, *«Сельмуни против Франции»* и *«Лабита против Италии»*)

425. Суд признает обращение «бесчеловечным» поскольку, наряду с прочим, оно было преднамеренным, применялось часами и причинило либо фактические телесные повреждения либо сильные физические или моральные страдания. Он определил обращение как «унижающее», поскольку оно должно было вызвать у жертвы чувства страха, страданий и неполноценности, способные унижить и лишить достоинства. (см. например *«Кудла против Польши»*).

426. Для того, чтобы определить, является ли данная форма жестокого обращения пыткой, Суд должен представлять разграничение между этим понятием, содержащимся в статье 3 и понятием бесчеловечное или унижающее обращение. Как Суд установил ранее, именно преднамеренность является ключевым в разграничении, которое дает Конвенция для определения бесчеловечного обращения, влекущего серьезные и жестокие страдания; такое же различие вытекает из статьи 1 Конвенции ООН (см. ранее цитировавшееся решение по делу *Сельмуни*, § 96) :

«Для этой Конвенции термин «пытка» означает любое действие, которым преднамеренно причиняется сильная боль или страдания, физические или моральные, с целью получения от этого или

третьего лица информации или признания, в наказание за действия, которые это или третье лицо совершило или подозревается в совершении, или для запугивания или принуждения этого или третьего лица, либо по любой причине, основанной на любого рода дискриминации, когда эта боль или страдания причиняются или производятся при побуждении или с согласия или при попустительстве официального лица или иного лица, действующего в качестве официального.....»

427. Суд также считает, что термин «сжестокое», как и термин «минимальный уровень жестокости», требующийся для применения статьи 3, по природе вещей, относителен (там же, § 100): он также зависит от всех обстоятельств дела, таких как продолжительность воздействия, физическое или моральное влияние и, в некоторых случаях, пол, возраст и состояние здоровья жертвы (см., наряду с другими источниками, *«Калашников против России»* и ранее цитировавшееся решение ппо делу *Лабита*) Следовательно, при рассмотрении вопроса, является ли обращение «унижающим» по смыслу статьи 3, Суд должен определить, являлось ли его целью унизить честь и достоинство данного человека, а также, говоря о последствиях, повлияло ли оно значительно на данную личность в порядке, несовместимом со статьей 3. Однако, даже отсутствие такой цели не может исключить возможность установления нарушения Статьи 3 (*«Власинас против Литвы»*)

428. Суд постоянно подчеркивает, что страдания и унижения должны в любом случае превышать неизбежный элемент страданий или унижений, связанный с данной формой законного обращения или наказания. Меры, лишаящие человека свободы, обычно сопровождаются такими страданиями и унижением. Статья 3 требует от государства обеспечить, чтобы каждый заключенный содержался в условиях, которые совместимы с уважением человеческого достоинства, чтобы способ и метод исполнения наказания не подвергали его страданиям или тяготам, превышающим по своей силе неизбежный уровень страданий, свойственный лишению свободы и, чтобы, учитывая практические требования заключения, обеспечивалось его здоровье и благополучие. (см. цитировавшееся ранее *«Кудла против Польши»* §§ 92-94).

429. Суд установил ранее, что с учетом развития политики в области уголовного права государств-членов Совета Европы и общепринятыми стандартами в этой сфере, смертная казнь может

стать предметом рассмотрения в соответствии со Статьей 3 Конвенции. Там, где выносятся смертный приговор, примерами факторов, влияющих на обращение к Статье 3, являются его пропорциональность тяжести совершенного преступления, условия содержания в ожидании приведения в исполнения приговора (см. *«Соеринг против Соединенного Королевства»*, вердикт от 7 июля 1989 года и *«Полторацкий против Украины»*)

430. Для любого заключенного, приговоренного к смерти, неизбежна некоторая задержка между вынесением и исполнением приговора, и неизбежным является ощущение стресса (см. *«Соеринг против Соединенного Королевства»*, §111). Тем не менее, при определенных обстоятельствах, вынесение такого приговора может повлечь за собой обращение, выходящее за рамки, установленные Статьей 3, когда, например, смертной казни приходится ожидать чрезвычайно долго в экстремальных условиях при постоянных мучениях ожидания казни (см. *«Соеринг против Соединенного Королевства»*, стр. 44, §111).

431. Следовательно, беспокойство и страдания, присущие такому приговору, могут только быть усилены произволом, существовавшим во время судебного разбирательства, поэтому, учитывая то, что на карту ставится жизнь человека, сам приговор становится нарушением Конвенции.

432. Запрет контактов с другими заключенными по причинам безопасности, дисциплины или охраны, сам по себе не является бесчеловечным обращением или наказанием. С другой стороны, полная чувственная изоляция вкупе с полной социальной изоляцией может разрушить личность и представляет собой форму бесчеловечного обращения, которая не может быть оправдана требованиями безопасности или иными причинами (см. наряду с другими источниками, *«Мессина против Италии»*)

433. Более того, при оценке условий содержания, следует принимать во внимание кумулятивный эффект таких условий и специфический характер обвинений, выдвигаемых заявителем. (см. *«Дугос против Греции»* § 46)

2. Применение вышеприведенных принципов в данном деле

(а) г-н Илашку

434. Заявитель был приговорен к смерти 9 декабря 1993 года и содержался в заключении до своего освобождения 5 мая 2001 года (см. 215 и 234 выше)

Суд еще раз подчеркивает, что Конвенция не несет обязывающего характера для подписавших ее государств, кроме случаев и обстоятельств, которые произошли с момента ее вступления в силу, для Молдовы, соответственно, с 12 сентября 1997 года и для России

– с 5 мая 1998 года. Однако, для того, чтобы оценить воздействие пребывания в заключении, которое оставалось более или менее одинаковым на всем протяжении, в отношении заявителя, Суд может также принять во внимание весь этот период, включая и ту его часть, которая предшествовала вступлению Конвенции в силу в каждой из стран – ответчиков.

435. На протяжении всего периода ожидания смертной казни, заявитель жил под постоянным страхом смерти. Не имея никаких возможностей облегчить свои страдания, он жил многие годы, включая и время с момента вступления в силу Конвенции, в условиях, постоянно напоминавших ему о цели его заключения (см. 196-210 и 240-253 выше)

В особенности, отмечает Суд, после отправки письма в молдавский парламент в марте 1999 года, г-н Илашку был жестоко избит охранниками тираспольской тюрьмы, угрожавшими убить его (см. 249, 250, 269 и 270 выше).

Что касается инсценировок казни, имевших место до вступления Конвенции в силу (см. 198 выше), то нет сомнения в том, что эти варварские действия имели целью усилить обеспокоенность заключенного о возможности казни на всем протяжении заключения.

436. Муки и страдания, которые он испытывал, усиливались тем, что приговор не имел законных оснований или легитимности по смыслу Конвенции. «Верховный Суд ПМР», который вынес приговор г-ну Илашку, был учрежден органом, не имевшим легитимности по международному праву и не был признан международным сообществом. Этот «суд» принадлежит системе, о которой едва ли можно сказать, что она существует в конституционном и правовом поле, отражающем юридическую традицию, совместимую с Конвенцией. Тому свидетельством является произвол, при котором заявители были осуждены и приговорены, и который описан ими в отчете, не оспоренном другими сторонами (см 212-216 выше)

437. Решение Верховного Суда Молдовы, отменившее приговор заявителю (см. 222 выше) подтвердило незаконный и произвольный характер приговора от 9 декабря 1993 года.

438. Относительно условий содержания заявителя в ожидании смертной казни, Суд отмечает, что г-н Илашку провел в заключении 8 лет, с 1993 до освобождения в мае 2001 года, в условиях строгой изоляции: он не имел контактов с другими заключенными, не получал новостей – поскольку не имел права на переписку – и не имел права связаться с адвокатом или регулярно общаться со своей семьей. Его камера не обогревалась, даже холодной зимой, не имела источников естественного освещения или вентиляции. Имеются

свидетельства того, что г-на Илашку также лишали пищи в качестве наказания и что пища, учитывая ограничения на прием посылок, часто была непригодной для приема. Заявителю редко предоставлялась возможность принимать душ, иногда лишь с интервалом в несколько месяцев. По этому вопросу Суд обращается к выводам из доклада комиссии, посетившей Приднестровье в 2000 году (см. 289 выше), в котором такая многолетняя изоляция называется не имеющей оправдания.

Условия содержания заявителя имели опасные последствия для его здоровья, которое ухудшилось за годы пребывания в тюрьме. Так, он не получал надлежащего лечения, будучи лишен регулярного медицинского обследования и лечения (см. 258-260, 262, 263 и 265 выше) и диетического питания. Кроме того, из-за ограничений в получении посылок, он не мог получать лекарства и пищу для улучшения своего здоровья.

439. Суд отмечает существование правил, представляющих произвол в отношении переписки и посещений заключенных, со стороны тюремных надзирателей и иных официальных лиц, и подчеркивает, что такие правила несут произвол и несовместимы с мерами противодействия злоупотреблениям, которые должны приниматься в любых тюремных системах демократических государств. Более того, в рассматриваемом случае, такие правила сделали условия содержания заявителя под стражей еще более тяжелыми.

440. Суд заключает, что смертный приговор заявителю, вкупе с условиями заключения и обращением, которому он подвергся после ратификации, учитывая то состояние, в котором он находился, проведя несколько лет в таких условиях до ратификации, были исключительно суровыми и жестокими и должны соответственно рассматриваться как акты пыток в смысле Статьи 3 Конвенции.

Следовательно, имелось нарушение требований Статьи 3.

441. Так как г-н Илашку находился в заключении, когда Конвенция вступила в силу в Российской Федерации, 5 мая 1998 года, то последняя ответственна, в силу причин изложенных выше (см. 411 выше) за условия его содержания под стражей, обращения с ним и за страдания, причиненные ему в тюрьме.

Г-н Илашку был отпущен на свободу в мае 2001 году и только с этого дня наступает ответственность Молдовы за действия, в отношении которых поступили жалобы за невыполнение взятых на себя обязательств (см. 352 выше). Следовательно, со стороны Молдовы не было нарушения Статьи 3 Конвенции в отношении г-на Илашку.

442. С точки зрения, Суда, нарушение статьи 3 Конвенции в отношении г-на Илашку вменено в вину только Российской Федерации.

(б) Три других заявителя: условия содержания и обращение с ними в заключении

(i) г-н Ивантош

443. Суд сразу отмечает, что ни на одном из предварительных слушаний ни одно из Правительств-ответчиков не отрицало, что события, вменяемые им в вину, имели место.

Он далее считает, что описания, предоставленные г-ном Ивантошем, достаточно точны и подкрепляются аналогичными заявлениями, которые он неоднократно делал своей жене и свидетельствами других лиц, представленными делегатам Суда.

В свете всей информации, имеющейся в его распоряжении, Суд считает, что можно считать установленным, что во время нахождения под стражей, включая ту часть его, которая последовала за вступлением Конвенции в силу в отношении стран-ответчиков, заявителю было нанесено множество побоев, имело место плохое обращение, что временами его лишали пищи и всех форм медицинской помощи, несмотря на плохое состояние его здоровья, которое было ослаблено этими условиями содержания. В особенности суд обращает внимание на преследования и жестокое обращение, которому г-н Ивантош подвергся в мае 1999 года после подачи заявления в Суд (см. 254, 256 и 269-272 выше).

444. Кроме того, с момента вступления в силу приговора в 1993 году, г-н Ивантош содержался в одиночной камере, не имея общения с другими заключенными и не имея доступа к газетам. Ему не разрешали встретиться с адвокатом, его единственная связь с внешним миром происходит в форме свиданий с женой и приеме передач от нее, при условии, что администрация тюрьмы даст на это разрешение.

Все эти ограничения, не имеющие под собой законных оснований, и оставленные на умотрение властей, несовместимы с тюремным режимом демократического государства. Они сыграли свою роль в увеличении физических и моральных страданий заявителя.

445. Заявитель содержался в не отапливаемой, плохо вентилируемой камере без естественного освещения, не получая лечения,

необходимого по состоянию его здоровья, несмотря на несколько медицинских осмотров, разрешенных тюремной администрацией. По этому вопросу Суд ссылается на выводы, содержащиеся в докладе комиссии после ее визита в Приднестровье в 2000 году (см. 289 выше).

446. По мнению Суда, такое обращение не могло не вызвать боль или страдания, как физические так и моральные, которые только усиливались полной изоляцией заявителя, и которые должны были привести к чувству страха, беспокойства и уязвимости, унижить и деморализовать его и сломить его сопротивляемость и волю.

По мнению Суда, такое обращение намеренно применялось к г-ну Ивантошу лицами, находящимися в руководство «ПМР», с целью наказать его за деяния, им якобы совершенные.

447. Установив это, Суд считает, что в целом, с учетом всей серьезности, повторяющегося характера и целей, обращение с г-ном Ивантошем причинило ему «сильную» боль и страдания и было особенно жестоким и безжалостным. Все эти действия должны рассматриваться как пытка в смысле Статьи 3 Конвенции.

448. Т.к. г-н Ивантош находился в заключении в момент вступления в силу Конвенции в Российской Федерации, последняя несет ответственность, в силу причин, приведенных выше (см. 393) за условия его содержания, обращения с ним и страдания, причиненные ему в тюрьме.

Принимая во внимание выводы, к которым пришел Суд по вопросу ответственности Молдовы за действия, против которых направлены жалобы, вследствие неисполнения своих обязательств после Мая 2001 года (см. 352 выше), Молдова признается ответственной за нарушение Статьи 3 Конвенции в отношении г-на Ивантоша с указанной даты и далее.

449. Таким образом, в отношении г-на Ивантоша совершено нарушение Статьи 3 Конвенции со стороны Российской Федерации с момента ратификации Конвенции 5 мая 1998 года и со стороны Молдовы с мая 2001 года и далее.

(ii) г-н Лешко и г-н Петров-Пона

450. Суд сразу отмечает, что ни на одном из предварительных слушаний ни одно из Правительств-ответчиков не отрицало, что события, вменяемые им в вину, имели место.

Он далее считает, что описания, данные заслушанными свидетелями, включая заявителей и их жен, достаточно точны и подкрепляются другими свидетельствами, имеющимися в его распоряжении.

451. Следовательно, Суд может считать установленным, что, находясь в заключении, в том числе после вступления в силу Конвенции в двух странах-ответчицах, г-н Лешко и г-н Петров-Попа испытывали на себе исключительно тяжелые условия содержания под стражей:

- посещения и посылки от членов их семей разрешались по произвольному усмотрению администрации

- иногда они лишались пищи или им давали пищу, непригодную к употреблению, на протяжении большей части времени им не предоставлялась надлежащая медицинская помощь, несмотря на состояние здоровья, которое ухудшилось в результате такого содержания; и

- они не получали диетическую пищу, предписанную их врачами (см. 265 выше).

Суд также подчеркивает, что эти условия ухудшились с 2001 года (см 254 выше).

Кроме этого, г-н Петров-Попа содержался в одиночной камере с 1993 года, не имея контактов с другими заключенными или доступа к газетам на родном языке (см. 240, 254 и 255 выше).

Как г-н Петров-Попа, так и г-н Лешко до июня 2003 года были лишены возможности встречаться с адвокатами.

452. По мнению суда, такое обращение не может не порождать боль или страдания, как физические, так и моральные. Взятое в целом и с учетом всей его серьезности, такое обращение с гг. Лешко и Петровым-Попа может быть квалифицировано как бесчеловечное и унижительное в смысле Статьи 3 Конвенции.

453. Так как г-н Лешко и г-н Петров-Попа находились под стражей во время вступления в силу конвенции в отношении Российской Федерации, последняя ответственна, по причинам изложенным выше (см. 393), в отношении условий их содержания, обращения с ними и страданий, причиненных им в тюрьме.

Учитывая выводы, к которым пришел суд по вопросу ответственности Молдовы за действия, на которые обращена жалоба относительно ее неспособности исполнить свои позитивные обязательства после мая 2001 года (см. 352 выше), то суд считает Молдову ответственной за нарушение статьи 3 Конвенции в отношении г-на Лешко и г-на Петрова-Попа с мая 2001 года и далее.

454. Суд пришел к заключению, что в отношении г-на Лешко и г-на Петрова-Попа допущено нарушение Статьи 3 Конвенции со стороны Российской Федерации со времени ратификации ей Конвенции 5 мая 1998 года и Молдовой с мая 2001 года и далее.

VI. Предполагаемое нарушение Статьи 5 Конвенции²

455. Заявители утверждали, что их содержание под стражей не было законным и что суд, который вынес им приговор, не являлся судом компетентным. Они ссылались на Статью 5 §1 Конвенции, соответствующая часть которой гласит:

«1. Каждый человек имеет право на свободу и личную неприкосновенность. Никто не может быть лишен свободы иначе, как в следующих случаях и в порядке, установленном законом:

а) законное содержание лица под стражей на основании признания его виновным компетентным судом;»

456. Российское правительство заявило, что утверждения заявителей не имели никакого отношения к Российской Федерации и были безосновательными.

457. В своих комментариях от 24 октября 2000 года правительство Молдовы подчеркнуло, что заявители были арестованы без ордера и что они в течение двух месяцев находились в камерах здания штаба Четырнадцатой Армии. На слушании 6 июня 2001 года они заявили, что хотели бы изменить принятую ранее позицию, но не выразили никакого мнения по поводу предполагаемых нарушений.

458. В своем вступлении в процесс с третьей стороны Правительство Румынии заявило, что содержание заявителей под стражей не имело

² Перевод выполнен к.ф.н, доцент кафедры иностранных языков РАП Клепальченко И.А.

законных оснований, так как им был вынесен приговор неправомерно назначенным судом. Хотя определенные законодательные акты, такие как акты, относящиеся к регистрации рождений, смертей и браков, должны признаваться, для того чтобы не ухудшать положение населения (см. консультативное заключение Международного суда от 21 июня 1971 года в отношении правовых последствий для продолжающегося присутствия Южной Африки в Намибии вопреки Резолюции Совета Безопасности за номером 276), это не должно относиться ко всем законодательным актам, не признаваемым международным сообществом, в противном случае эти законы были бы легитимированы.

В данном деле, осуждение заявителей было результатом грубого нарушения права на справедливое правосудия, так как оно не было осуществлено с соблюдением процессуальных гарантий «Верховным Судом MRT (Молдавская приднестровская республика)».

459. Суд не имеет юрисдикции *ratione temporis* (на основании времени) принимать постановление по вопросу, была ли нарушена Статья 6 Конвенции уголовным преследованием, в ходе которого заявители были осуждены «Верховным Судом MRT». Содержание заявителей под стражей продолжилось после дат ратификации Конвенции двумя государствами, выступающими в качестве ответчика, Суд тем не менее имеет право определить, было ли задержание каждого из заявителей «законным» «в соответствии с процессуальной нормой, предписанной законом» и «после вынесения приговора компетентным судом» в рамках смысла Статьи 5 §1 (a) Конвенции.

460. Как установлено в прецедентном праве Суда, слово «трибунал», используемое в французском тексте Статьи 5 и других статьях Конвенции, в частности в статье 6, относится в первую очередь к органу, «установленному законом», удовлетворяющему ряду условий, которые включают независимость, в частности по отношению к исполнительной власти, беспристрастность, срок полномочий его членов и гарантии судопроизводства (см. *Де Уайлд, Оомс и Версин против Бельгии*, судебное решение от 28 мая 1970 г, Серия А №12, стр.41, §78).

При определенных обстоятельствах суд, принадлежащий судебной системе самостоятельного образования, не признанного международным правом, может рассматриваться как трибунал,

«установленный законом», при условии, что он образует часть судебной системы, действующей на «конституционном и законном основании», отражающей судебную традицию, совместимую с Конвенцией, для того чтобы обеспечить отдельным лицам пользоваться гарантиями, предоставляемыми Конвенцией (см. *mutatis mutandis*, *Kunp против Турции*, цит. выше, §§231 и 236-237).

461. Необходимое условие законности, установленное Статьей 5 §1 (а) («законное содержание под стражей», требуемое «в соответствии с процедурой, предписанной законом») не выполняется соблюдением только соответствующего внутригосударственного закона; сам внутригосударственный закон должен соответствовать Конвенции, включая общие принципы, выражаемые или подразумеваемые в ней, в частности принцип господства права, который в прямой форме упоминается в Преамбуле к Конвенции. Понятие, лежащее в основе выражения «в соответствии с процедурой, предписанной законом», является одной из справедливых и надлежащих процедур, а именно в том, что любая мера, лишаящая человека свободы, должна исходить и исполняться соответствующим органом власти и не должна быть произвольной (см., среди других судебных решений, *Винтерверп против Нидерландов*, решение суда от 24 октября 1979, Серия А №33, §45).

Кроме того, поскольку цель статьи 5 состоит в том, чтобы защитить человека от произвола (см., среди других судебных решений, *Стаффорд против Соединенного Королевства*, №46295/99, §63, ECHR 2002-IV), «осуждение» не может быть результатом грубого нарушения правосудия (см., *mutatis mutandis*, *Дрозд и Янушек против Франции и Испании*, решение суда от 26 июня 1992 г., Серия А №240, §110).

Суд также ссылается на свое решение на основании статьи 3 Конвенции в отношении природы судопроизводства в «Верховном Суде MRT» (см. параграф 436 выше).

462. Следовательно, суд находит, что ни один из заявителей не был обвинен «судом», и что срок тюремного заключения, вынесенный таким судебным органом как «Верховный Суд MRT», в завершении слушаний, подобных настоящему делу, не может быть расценен как «законное содержание под стражей», предписанное «в соответствии с процедурой, предписанной законом».

463. Таким образом, лишение свободы, перенесенное заявителями в течение периода, охватывающего юрисдикцию Суда *ratione temporis* в отношении государств-ответчиков (а именно, что касается г-на Илашку, с 12 сентября 1997 г по 5 мая 2001 г для Молдовы, и с 5 мая 1998 г. по 5 мая 2001 г. для России и, что касается других заявителей, от даты ратификации каждым из государств-ответчиков по настоящее время) не может удовлетворить условия, установленные в параграфе 1 (а) Статьи 5 Конвенции.

Из этого следует, что было нарушение Статьи 5 §1 Конвенции до мая 2001 г. в отношении г-на Илашку, и что было и продолжается нарушение этого положения в отношении трех заявителей, все еще находящихся под стражей.

464. Принимая во внимание тот факт, что заявители содержались под стражей во время вступления в силу Конвенции в отношении Российской Федерации, а также принимая во внимание его решения, описанные выше (см. параграф 393), Суд заключает, что Российской Федерации вменяется в вину ведение дела с нарушением Статьи 5 в отношении всех заявителей.

Принимая во внимание его решение, описанное выше (см. параграф 352), что ответственность Республики Молдова в отношении принятых ею на себя обязательств вступает в силу с мая 2001 г., Суд заключает, что не было нарушения Статьи 5 Молдовой в отношении г-на Илашку. С другой стороны, было нарушение этого положения Молдовой в отношении трех других заявителей.

VII. Предполагаемое нарушение Статьи 8 Конвенции

465. Заявители жаловались, что они не могли свободно переписываться со своими семьями и с Судом. В частности, они утверждали, что они не имели возможности свободно обратиться к Суду, и что для этого им пришлось прибегнуть к помощи своих жен. Они далее жаловались, что их семьи не могли навещать их без предварительного согласия «Президента MRT». Они ссылались на Статью 8 Конвенции, соответствующие части которой гласят:

«1. Каждый человек имеет право на уважение его личной и семейной жизни, неприкосновенность его жилища и тайну корреспонденции.

2. Не допускается вмешательство государственных органов в осуществление этого права, за исключением случаев, когда это предусмотрено законом и необходимо в демократическом обществе

в интересах государственной безопасности, общественного порядка или экономического благосостояния страны, для поддержания порядка и предотвращения преступлений, в целях предотвращения беспорядков или преступлений, охраны здоровья или защиты нравственности или защиты прав и свобод других лиц.»

466. Российское правительство ограничилось комментарием, что утверждения заявителей не имели отношения к Российской Федерации и были безосновательны.

467. В своем заявлении от 24 октября 2000 г. Правительство Молдовы сообщило, что заявители не имели доступа к адвокату, что представителям международных организаций было отказано в разрешении встретиться с ними и что они не могли свободно переписываться из тюрьмы. Во время слушания 6 июня 2001 г. они утверждали, что хотели изменить позицию, принятую ранее, но не выразили мнения по поводу предполагаемых нарушений.

468. Румынское правительство утверждало, что нарушение права заявителей в отношении их переписки и семейной жизни не было в соответствии с законом в пределах значения Статьи 8 §2, во-первых, потому что Советский закон, примененный в MRT, не имел силу на территории Молдовы, и во-вторых, потому что предварительное согласие Президента MRT не могло быть приравнено к закону ввиду отсутствия защиты от произвола.

469. Суд полагает, что эта жалоба сводится к факту, что заявители не имели возможности свободной переписки с семьями и Судом из тюрьмы, а также к сложностям, которые они испытывали при посещении их своими семьями. Что касается жалобы в отношении невозможности обратиться к Суду из тюрьмы, то она подпадает под статью 34, которую Суд рассмотрит отдельно.

470. Однако, приняв во внимание эти утверждения в контексте статьи 3 (см. параграфы 438, 439, 444 и 451 выше), Суд полагает, что нет необходимость рассматривать их отдельно от статьи 8.

VIII. Предполагаемое нарушение Статьи 1 Протокола №1 к Конвенции

471. Заявители жаловались, на основании статьи 1 Протокола №1 к Конвенции, на конфискацию имущества после судебного заседания, нарушившего статью 6 Конвенции.

472. Российское правительство утверждало, что утверждения заявителей не имели никакого отношения к Российской Федерации и были безосновательны.

473. Правительства Молдовы и Румынии не выразили никакого мнения.

474. Даже предположив, что имеется юрисдикция *ratione temporis* для принятия решения по этой жалобе, Суд отмечает, что фактическое основание для этого недостаточно.

Поскольку жалоба не была обоснована, Суд полагает, что не было нарушения Статьи 1 Протокола №1 к Конвенции.

IX. Предполагаемое нарушение Статьи 34 Конвенции.

475. Заявители жаловались на нарушение их права обращения к Суду, ссылаясь на Статью 34 Конвенции, которая гласит:

«Суд может получать жалобы от любого лица, неправительственной организации или группы лиц, которые утверждают, что они являются жертвами нарушения одной из Высоких Договаривающихся Сторон их прав, изложенных в настоящей Конвенции. Высокие Договаривающиеся Стороны обязуются никоим образом не препятствовать эффективному осуществлению этого права».

476. Заявители утверждали, что им не разрешили обратиться к Суду из тюрьмы, и что их женам пришлось сделать это от их имени. Они также утверждали, что подвергались преследованиям в тюрьме из-за того, что пробовали обратиться к Суду.

Далее они утверждали, что заявление Президента Молдовы Воронина, что отказ г-на Илашку забрать свое заявление в Суд стало причиной продолжающегося содержания под стражей остальных заявителей (см. параграф 285 выше), было грубым нарушением их права на личную петицию.

Наконец, они утверждали, что комментарий Российского Министерства иностранных дел (см. параграф 278 выше) был серьезным вмешательством в их право на личную петицию.

477. Правительство Молдовы подтвердило высказывания г-на Воронина, но утверждало, что они были вызваны замечанием г-на

Иласку во время беседы с г-ном Ворониным о том, что он готов взять назад часть своей петиции, направленную против Молдовы при условии, что власти Молдовы докажут действиями желание видеть остальных трех заявителей на свободе. Правительство Молдовы возразило, что при сложившихся обстоятельствах обвинения против г-на Воронина имели целью бросить тень на имидж Молдовы, а не на жалобу по поводу вмешательства в право заявителей на личную петицию.

478. Российское правительство сказалось, что заявители получили вышеупомянутый комментарий обманным путем и на это нельзя полагаться в Суде.

479. Румынское правительство утверждало, что действия запугивания, направленные против г-на Илашку, чтобы наказать его за подачу настоящей петиции, можно рассматривать как нарушение его права на личную жалобу, гарантируемого статьей 34.

480. Суд повторяет, что способность заявителей и потенциальных заявителей свободно переписываться с Судом, не будучи подвергнутым никакой форме давления со стороны властей, чтобы забрать или изменить свои жалобы, имеет первостепенное значение для эффективного действия системы индивидуальных жалоб, учрежденной Статьей 34 Конвенции (см. *Акдивар и др. против Турции*, решение суда от 16 сентября 1996 г., *Отчеты* 1996-VI, стр. 2288, §105).

Выражение «любая форма давления» должно приниматься для обозначения не только прямого принуждения и грубых действий запугивания, но также и для неправомерных косвенных действий или контактов, предназначенных для отговаривания заявителей от прибегания к Конвенции как к средству судебной защиты (см. *Курт против Турции*, решение суда от 25 мая 1998 г., *Отчеты* 1998-III, стр. 1192, §160).

Кроме того, вопрос, являются ли контакты между властями и заявителем недопустимыми методами с точки зрения Статьи 34, должен быть определен в свете специфических обстоятельств дела. В этой связи, Суд должен оценить уязвимость истца и риска того, что он был под влиянием властей (см. *Акдивар и др.*, стр.1219, §105, и *Курт*, стр. 1192-1193, §160, цит. выше).

481. В рассматриваемом деле заявители утверждали, что у них не было возможности обратиться к Суду из места их содержания под стражей, что их петиция на самом деле была подана единственным адвокатом, представляющим их в начале слушаний, г-ном Таназе, и что она была подписана их женами.

Суд также рассмотрел угрозы, сделанные против заявителей тюремными властями Приднестровья и ухудшением их условий содержания под стражей после того, как была подана их петиция. Он принимает во внимание, что такие действия являются неправомерной и неприемлемой формой давления, нарушающей их право на личную петицию.

Кроме того, Суд с беспокойством отмечает содержание дипломатической ноты от 19 апреля 2001 г., направленной Российской Федерацией властям Молдовы (см. параграф 278 выше). Из этой ноты следует, что Российские власти потребовали от Республики Молдовы изъять заявления, направленные ими в Суд 24 октября 2000 г., поскольку они подразумевали ответственность за предполагаемые нарушения со стороны Российской Федерации ввиду того, что ее войска находились на территории Молдовы, в Приднестровье.

Таким образом, на слушании 6 июня 2001 г., правительство Молдовы огласило свое желание забрать часть своих заявлений от 24 октября 2000 г. в отношении Российской Федерации (см. параграф 360 выше).

Суд полагает, что такое поведение со стороны Правительства Российской Федерации может рассматриваться как отрицание общего наследия политических традиций, идеалов, свободы и нормы права, упомянутых в Преамбуле к Конвенции, и могло представлять собой серьезное препятствие к рассмотрению поданного заявления, нарушающее право, гарантируемое Статьей 34 Конвенции.

Следовательно, было нарушение Российской Федерацией Статьи 34 Конвенции.

482. Суд далее отмечает, что после освобождения г-на Илашку из-под стражи, он обратился к властям Молдовы по поводу возможности освобождения других заявителей, и что в этом контексте г-н Воронин публично обвинил г-на Илашку в том, что он являлся причиной продолжающегося содержания его товарищей под стражей в связи с отказом забрать свое заявление против Молдовы и Российской Федерации.

По мнению Суда, такие замечания самой высокой власти Договаривающегося государства, делающие улучшение положения заявителей зависящим от того, заберут они свои заявления против этого Государства или другого Договаривающегося Государства, или нет, представляют собой прямое давление, имеющее целью препятствовать реализации права на индивидуальную петицию. Это заключение остается в силе, несмотря на то, реальное или теоретическое влияние эта власть может оказывать на положение заявителя.

Таким образом, замечания г-на Воронина могут рассматриваться как вмешательство Республики Молдова в право заявителей на индивидуальную петицию, в нарушение Статьи 34.